

ШКОЛЬНИК НА ЗАВОДЕ

Робатам нужны большие события и серьезные поступки. Они полны той беспокойной

РОМАНТИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ

Кадр из фильма «Тревожная молодость»

«И поныне в предместьях одного из городов Украины возмущается на скамьях обреченности старинная крепость. Много видели ее древние стены».

Много видели ее древние стены, — этими словами директора начинался новый художественный фильм «Тревожная молодость». Поэтично и восторженно рассказывает он о том, как в боях и пожарах рождался новый мир.

Крепостные стены, виденные походами Богдана Хмельницкого, вмявшиеся страстным и горьким словом народного героя Устима Кармелюка, в 20-х годах нашего века стали свидетелями тревожной, но прекрасной молодости строителей нового мира.

Нашему читателю хорошо известна трилогия В. Белова «Старая крепость», по мотивам которой автор книги вместе с М. Клейманом создал сценарий фильма.

«В годы гражданской войны прошло детство героев фильма — Василия Манджура, Петьки Маремухи, Гали Кушнир. Они рано начали понимать смысл происходящей революционной борьбы. И когда на их глазах гайдамаки расстреляли большевика Сергушина, они поклялись отомстить за его смерть. Страстные и гневные слова «Интернационала», который ребята поют еще не установившимися голосами, ненависть и решимость в их глазах говорят о том, что кончилось суровое детство героя».

Отгрезмы выстрели, отшумела гроза войны, очистилось от дыма пожарами голубое небо Подолья... Но еще тревожны трудовые будни героев. Классовая борьба приняла другие формы. Враг изменил обличье.

Вспрыснутый петлюровец становится агентом иностранной разведки. Претель Котья Григоренко приобретает на советский завод и пытается завоевать доверие рабочих. Маскируется под друга, враги не ограничиваются диверсиями. Они стараются возмездствовать на души советских людей, деморализовать их.

Комсомольцы — Василь, Петька, Гали берут в руки винтовки, когда нужно охранять оружейные склады. Стойко и бдительно борются они с врагами Советского государства.

Молодым режиссером А. Азову и В. Наумову удалось живо передать романтику тех лет, пафос борьбы и утверждения. Каждой сцене, даже самой камерной, режиссеры придают значительность и большой смысл.

Так, например, коротенький эпизодический эпизод провозов Василия (А. Суснин) в Харьков и его прощания с Галей (Т. Логунова) выражает в фильме в большой полноте, дающее яркое представление о кипучей «лихорадке буден» того времени.

Очень интересна сцена комсомольского собрания, на котором разбирается заявление Котья Григоренко о приеме в комсомол. Жизнь завода, его дыхание все время ощущаются в этой сцене. Пение «Молодой гвардии», которым заканчивается собрание, звучит в этой сцене, как врата

комсомольцев в верности долгу, как свидетельство чистоты их помыслов и ясности цели.

Жизнеутверждающие сцены, рисующие трудовую жизнь страны и создатели ее будущего, в фильме резко контрастируют с эпизодами, изображающими тех, кто мешал строительству социализма.

Яркий пример такого контраста — финал картины.

«Как затравленный зверь, забившись в угол темного тюрма, пытается спрятаться от чехиков бывший петлюровец и иностранный агент Печерица. «Не выжи!» — в бессильной ярости крипит он... «Люблю!» — как бы опровергает его Василь Манджура. «Жизнь люблю! Землю! Хлопцев люблю! Гаю, Галю люблю!» — кричит он, широко раскинув руки и подставляя лицо ветру и солнцу.

В фильме немало таких находок. Помогая ярче понять идейный смысл произведения, они усиливают эмоциональное звучание картины, придают ей романтическую приподнятость и поэтичность.

Говоря о картине «Тревожная молодость», не приходится делать скидок на первую работу режиссера. Фильм сделан по-настоящему профессионально, талантливо и интересно.

Почти все главные роли в фильме сыграны молодыми актерами, в основном выпускниками Института кинематографии. Особенно острим, психологически интересным получился образ Котья Григоренко. Молодой актер Н. Рыбников, исполняющий эту роль, тонко раскрывает душевную опустошенность своего героя, его обреченность. Новой удачей порадовал в фильме популярный кинактер Н. Крючков в роли большевика Сергушина. Трудно раскрыть силу и стойкость духа героя, когда он лишь активный героический поступок. Однако Крючков сумел в созданном им задуманном и в то же время мужественном образе передать черты того поколения людей, которые завоевали мир для миллионов Василей, Петек и Галей, научили их понимать и любить жизнь.

Картина «Тревожная молодость» поэтично рассказала нам о боевых днях первого поколения комсомолов, героические традиции которого свято чтит и продолжает наша молодежь.

В. ЧЕРНЫХ

Письмо в редакцию
Произвол редакторов
В 27-м томе второго издания Большой Советской Энциклопедии напечатана статья «Метафизика». Статья эта подписана моим именем. Я действительно написал по просьбе философской редакции Большой Советской Энциклопедии статью на эту тему. Однако при подготовке статьи к опубликованию философская редакция внесла в текст изменения и дополнения, не только не научив моего согласия, но даже не представив их мне для ознакомления. Я впервые познакомился с ними только по выходе тома из печати. Изменения и дополнения эти таковы, что я — ни как ра-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Для пользы дела

Мой знакомый — колхозный зоотехник Семен Ефимыч предложил мне «спуститься» в прикутинскую бригаду.

— Там интересный разговор будет по поводу агронома, — пояснил он. — Давай сходим — послушаем.

— Какого характера разговор?
— Что-то похожее на обсуждение стили его работы.

Семен Ефимыч придерживался умеренных правил жизни, нередко говоря, что имеет свой стиль в работе, и очень гордился этим. По дороге в Прикутине он проповедовал, что работать надо с тихим и медленным одурением: сдержанно, неторопливо расходовать свои силы, сохранять равновесие в душе, иначе человек быстро выйдет из строя. Вот этот молодой агроном, о котором сегодня пойдет разговор, не знал этих золотых правил или не хотел их придерживаться, быстро раскисал свои силы, выдохся и спотыкнулся. А все отчего? Молодой Торячка. И стилия нет. Суется во всякое дело, очертя голову.

Прикутине — большая деревня, отделенная от центра колхоза тремя километрами полей и подурракилометровой полосой леса.

В большой бригадной избе собирались народ. Комсомолка, которой было поручено «подготовить собрание», взяла из шкафика и накиннула на стол зеленое полотенце.

Войдя два молодых человека: агроном в сером плаще и серой кепке и бригадир прикутинской бригады в новой шинели без погон. Бригадир оглядел стол, ряды скамеек и спросил комсомолку:

— Где тут нам садиться?
— Никаких указаний на этот счет не имею, — бойко ответила та.

Бригадир опустился в первом ряду и, потянув агронома за полу плаща, уселся его рядом с собой. Агроном было что-то не по себе: он краснеет, не смотрит прямо в глаза и, стараясь скрыть смущение, прошептал на ухо бригадиру какую-то шутку и натянуто рассмеялся.

В дверях появились две женщины — молодая и пожилая.

Владимир МИХАЙЛОВ

к физическому есть прекрасный отдых. На прекрасном оказалась и та и другая — не будучи ли ребята озорничать, хулиганить на заводе: работа и гляди, дождешься несчастного случая! Почти полторы тысячи старшеклассников работали на заводах, и не было ни одного «чрезвычайного происшествия». Были сомнения и у заводских работников — не подомали ли ребята оборудование, не внесли ли дезорганизацию в ритм работы? И эти опасения рассеял опыт.

Конечно, кратковременная работа на заводе во время каникул — не решение вопроса. В каникулы надо отдыхать. Это было только первый опыт, но очень важный опыт, который убедительно доказал главное — реальную возможность участия школьников в общественно-полезном, производственном труде в промышленности. А как только жизнь решила этот принципиальный вопрос, немедленно возникла потребность продолжать, расширить скромный опыт, найти ему верные организационные формы.

Практика принесла несомненную пользу и, конечно, должна проводиться вне времени учебного года, — говорится в отчете директора 36-й школы.

Эту мысль поддерживает большинство учителей. Во многих школах Свердловска уже начата подготовка к более длительной работе учащихся на заводах. Перспективы этого дела очень велики.

Главный инженер Верх-Исетского металлургического завода Борис Иванович Чернавин весьма охотно согласился на то, чтобы десятиклассники школы № 1 проходили на заводе производственную практику:

— Как же, надо поощрять школу — дело важное. Хотя для нас это, конечно, дополнительная нагрузка, а помощь надо.

Так же добросердечно относится к школе руководители других свердловских предприятий. Педагоги очень довольны этим добрым отношением. Лучшего и желать нельзя: попросил станочек — дадут, экскурсия понравилась — устроит, решили поработать в канцелярии — покажут; теоретически попросили — дадут, теоретически попросили — дадут, теоретически попросили — дадут.

Каникулярная производственная практика проводилась как будто исключительно в интересах школы. Однако даже этот кратковременный опыт обнаружил, что и завод может получить от школы пользу. Пока это была, понятно, весьма скромная польза, но она была. Ученица 13-й школы Ирина Очкарева на велосипедном заводе помогла собирать подседельные узлы — и работница с ее помощью собрала в первый день 330, во второй — 350 узлов, переплюнула норму в два, два с лишним раза. Десятки классники 27-й школы Тарарин, Смольников, Чурсин, Гаухин, Бабушкина, работая самостоятельно на станках, выполняли норму. Директор завода трансформаторов благодарил школу за то, что работа школьников позволила увеличить выпуск трансформаторов. Инженеры электротехники Верх-Исетского завода утверждают, что с помощью ребят ремонт и сборка электродвигателей проходили быстрее, чем обычно. Таких фактов сотни. К сожалению, никто не собирал и точно не учитывал практических результатов труда школьников. И здесь опять же сказались привычка

смотреть на трудовое воспитание лишь с точки зрения задач школы, но никак не с позиций «усиления общественной сознательности школьников». Если даже кустарно проведенный опыт позволяет говорить о производственной пользе, то какого же эффекта можно ждать от хорошо организованной, систематической работы школьников в промышленности!

Существует, правда, немало затруднений, связанных как будто бы с дополнительными расходами. Нужна, например, спецодежда и защитные приспособления, которые полагаются работникам определенных профессий. Как быть с оплатой работы за обучение? Надо ли оплачивать труд самих школьников? Это все не пустяковые вопросы. Но все это вполне преодолимо при условии действительно производственного труда школьников.

Странно, но так вопрос до сих пор не ставился. Не потому ли учителя так часто жалуются на скудость школьных возможностей политтехника? Одно дело — помочь, пусть даже самая сердечная, другое — интерес производства, план.

Советское законодательство разрешает во многих отраслях промышленности работать с 16-летнего возраста. Известны молодые производственники, занимающие почетные места в заводских коллективах. На том же Верх-Исетском заводе я видел, как 17-летний рабочий Владимир Шинянов обучал токарному мастерству своего бывшего одноклассника и друга, ученика 10-го класса 1-й школы (Лега Здроваго. Он одноклассник, и если успешно работает Шинянов, почему не может так же успешно, хоть и не каждый день, трудиться Здроваго?

Каникулярная практика показала, что почти на любом заводе школы получают возможность обстоятельно познакомиться с важнейшими компонентами политтехнического обучения, на которые указывал В. И. Ленин: электричеством, химией, механикой. Поэтому школа заинтересована в связи с предприятиями. Практика выявила также, что завод может получить из школ дополнительные кадры теоретически грамотных работников. Поэтому завод заинтересован в связи со школой. Вот прочная основа отношений!

Найдутся люди, которые скажут: «Труд, конечно, вещь хорошая, но он может поносить оному — повышению успеваемости. Известно, что школа в последние годы серьезно страдала от словесного, абстрактного характера обучения, она давала знания, но не прививала практические навыки. Как бы теперь не впасть в другую крайность. Впасть в другую крайность недопустимо. Но нельзя так ставить вопрос: или учеба, или труд. Социальное обучение с производственным трудом, как говорил Маркс, есть не только одно из средств для увеличения общественного производства, но и единственное средство для производства всеобщего развития людей».

У нас разработаны многообразные формы участия детей, юности в общественной деятельности, их отдыха, развлечения. Это прекрасно и необходимо. Но о воспитательной силе труда в школах больше говорят, чем эту силу используют. Обычно ссылаются на то, что учеба и есть труд школьника. Эта формула стала такой привычной, что над ней считается даже неприличным задумываться. А может быть, все-таки стоит задуматься? Конечно, учеба — труд. Но суть в том, что труд особый, непохожий на все остальные формы труда, которые в результате усилили человека обязательно создают определенные ценности, тогда как учение есть процесс потребления ценностей, выработанных другими людьми. Да, учеба — главное в жизни школьника, несомненно, главное, но главным ведь не истощается жизнь человека. Учеба удовлетворяет естественную жажду познаний, заложенную в человеке, но не удовлетворяет столь же глубокую человеческую потребность создания,

раемая поднять трудом, но и те некоторые люди в нашей бригаде слабо раскачиваются, не проявляя силы воли. Заменяя недостаток дисциплины, Николай Петрович, принявший близко к сердцу интересы колхоза, принялся мне помогать. Товарищ Сапожкова, сколько раз до случая с ведром он заводил к вам и напоминал, что пора на работу?

Бригадир замолчал и уставился на Сапожкова. Грина передернула плечами, усмехнулась и отозвала глаза в сторону.

— Что, не хочешь правду сказать? Так я сам скажу! Он заходил несколько раз. И даже это на нас не подействовало. И вы, Анна Кирилловна, опаздываете не один раз и не на минутку, а на несколько часов. Все уже давно работает, а вы еще только в поле нога за ногу тащитесь, забывая о колхозных интересах и своем жезлите. Николай Петрович — человек, все глубоко переживающий, он раз сказал, другой сказал, а третий раз возмущается...

После бригадирского слова встал агроном: — Я попытаюсь объяснить все с психологической точки зрения, — агрономий он вдумчиво. — Помогая молодому бригадиру налаживать трудовую дисциплину, я заметил у Сапожковой, кажется, в четвертый раз. До этого я уходил от нее, получив обещание поторопиться, а в этот день решил доказать, что могу полагаться на человека. Психологически это вполне можно понять...

— Мы понимаем, — сказал председатель. — Игнор! Слово товарищу Баласову! Секретарь райкома по зоне МТС встал около стола, сжал очки и осторожно положил их на раскрытую тетрадь. Он посмотрел на Сапожкову и Кашину, на колхозников и остановил свой взгляд на агрономе.

— Николай Петрович, — обратился Баласов к агроному, — я верю и понимаю, что вы действительно, руководящие благими намерениями, не пискать водой в пенку — это, я полагаю, не наш метод воспитания колхозников!

Агроном согласно кивнул головой и развел руками, как бы говоря: я знаю, но как-то так случается.

Секретарь вскинул голову и громко, отчетливо обратился к собранию: — Товарищи, Николай Петрович виножит, он частично даже уронил себя в валик глаза, а поэтому работать здесь далее ему неудобно. Мы переведем его в другое место.

Секретарь опустил на стол, убрал очки в очешник, свернул тетрадь и резким движением засунул ее в сумку.

Меня удивила речь Баласова: почему она так кратка и категорична? Тут какой-то дальний приезд! — подумал я.

— Ну, тогда, товарищи, будем закручивать, — неторопливо, но решительно затворил председатель. Прищурил глаза, он посмотрел на колхозников. В избе слышался гул.

— Погоди закручиваться! — крикнул кто-то молодым голосом. — Тут другое мнение высказалось. Дайте слово!

Бригадир бросился к стене и шептал выключателем. Но избе разлился красноватый свет, смешанный с косячками табачного дыма, пахлыми на пряди седины в рыжеволосом голове.

— Наклпали на хорошего человека и на этого точку ставите! — раздался возмущенный голос.

— Лентяйки станут выживать из колхоза делового агронома, а мы их по голове гладить: вот вам смелые!

— Они у нас умные отбойные, люблю правдивика выведут из себя.

Председатель постучал костяшками пальцев по столу: — Товарищи, товарищи, нельзя так, давайте организованно! Кто желает взять слово?

— Я! — вскричал молодой бригадир. — Ты уже говорил, — отмахнулся от него председатель. — Пусть люди поговорят.

— Агроном способный, но стилия еще не выработал, — с полным сознанием своего превосходства над молодым агрономом важно заметил зоотехник Семен Ефимыч.

— Вот вы себе хороший выработали: в стороне от всего стоять, — осадил его из рядов.

— Второй год у нас, а все будто чужой. Председатель сильнее заступал по столу: — Опять одни реплики, а настоящего разговору нет.

— Дайте я за всех скажу, — расплазался высокий сухощавый колхозник и, выпрямившись во весь рост, торопливо начал зачитать-то растерявшись на себе валик. — Все правду выложу. А мое и всеобщее мнение будет такое: не хуже бы не только пенку, но и самих-то лентяев окатить студенческой водой, чтобы омылись. Работать в предние годы и до сей поры себя в руки выть не могут. Куда вы, голубушки!

— крикнул оратор Сапожковой и Кашинской, которые возмущенно поднялись и собирались уходить. — Нет, вы сидите на своих местах, теперь мы за вас примемся. Ухватит играть в недельных-обжигенных,

ботник науки, и как литератор — не могу с ними согласиться.

Прошу опубликовать в вашей газете мое письмо и таким образом дать мне возможность сообщить читателям Большой Советской Энциклопедии, перед которыми я, как автор, несу ответственность, что я не могу признать себя автором статьи «Метафизика», напечатанной за мой подписью.

В. АСМУС,
доктор философских наук,
профессор Московского государственного университета

ВРЕМЯ И МАСТЕРСТВО

И. ГРИНБЕРГ

Проходи по рынку в старом норвежском городе Бергене, меж прилавков, заваленных рыбой, поэт вспоминает детство, берег Черного моря, такую же скумбрия, распластанная под южным солнцем...

И какая чудесная юность была
В те часы на песке под горой!
И какая огромная жизнь пролетела
Между этой и той скумбрии.

С той поры, когда было написано это стихотворение — «Москва в Норвегии» (1934 г.), рассказывающее о том, как дорожное всем людям слово Москва в сразу же облизало поэта и молодого бергенского рыбака, прошло еще двадцать лет. И два тома «Избранных произведений» Веры Инбер — произведений, из которых самое раннее написано в 1910 году, а наиболее позднее в 1954-м, — охватывают период полстолетия огромной по своему историческому значению. В стихах и поэмах, рассказах и очерках Веры Инбер отражено живое и неуклонное движение времени. Гражданская война на юге России, распухшая и страдая Москва, Европа между двух мировых войн, осажденный Ленинград, Иран, терзаемый американскими и английскими империалистами, среднеазиатские советские республики с их каналами и хлопковыми полями, вторгающийся в пустыню, — вот основные даты и темы, дающие представление о пути поэта.

Но одновременно с этим движением во времени и в пространстве не прекращается и движение иного рода: упорные творческие поиски поэта, видоизменение его взглядов, пристрастий, интонаций, словесных связей и взаимнообходимых эти две линии развития, как горячее и активное взаимодействие в жизнь внутренне обогащая художника, расширяет его поэтический кругозор и как, в свою очередь, это идейное и нравственное возмужание оказывается необходимым условием действительности и силы образного творчества.

Своеобразие писателя не есть величина статичная, неизменная... Познавая и понимая его можно, улавливая и оценивая по достоинству и появлению новых тем, образов, красок, интонаций, и «преображение» тех черт и особенностей, которые отличают художника с первых его шагов.

В 1932 году Вера Инбер опубликовала стихотворение «Вполголоса». Пытаясь определить особенности и границы собственных возможностей, она заметила:

Пафос мне не свойствен по природе.
Буря жестов, взвихренные волосы.
У меня, по-моему, выходит
Лучше то, что говорю вполголоса...

И еще в другом стихотворении:

Я просто спасаюсь юмором.
Когда я до слез расстроена.

Не раз и не два обращались критики к этим строкам, видя в них точную характеристику индивидуальности поэта. И действительно, разве улыбка, с которой Вера Инбер говорила в своих ранних стихах об утках подлужи и о проснувшейся мухе, не возникает и в последнем стихотворении «Домой, домой!» — о скворцах, возвращающихся в родные места! Это остроты, сочетающиеся с зоркостью и точностью наблюдений, отчетливо ощущаются в образной ткани, в неожиданных и вместе с тем наглядных сопоставлениях, эпитетах, метафорах. «Все сколькошник мимо сна, как корабль мимо скал», — пишет Инбер о бессоннице. Упомянув в своем дневнике о передаче из Казани в Истоплю, Инбер замечает: «На «У-2» чувствуешь себя, как на аттажере». Иногда смелый образ разворачивается в законченный сюжет, и тогда поэт предлагает «консервировать солдаты Крым», спрессовать «свинный воздух и золотое море». Подобное изобретательное и вместе с тем отнюдь не патетичное сближение фактов и вещей, взятых из различных и порой весьма далеких родов, встречается в произведениях разных жанров и разных лет: это действительно очень заметная черта в облике писателя.

Обдумай каждую деталь. Проверь
Ее опять. О, если б было можно
Сработай вещь, как шелковичный червь
Снаивает кокон — тонко и надежно.

Такой «накал» дает себе Инбер-поэт. К тому же стремится Инбер-прозаик.

В своей «повести двадцати годов» — «Место под солнцем» она, рассказывая о том, как хотелось ей написать о новых людях — людях революции, подчеркивает: «Для этого требовались слова настоящие, свежие и точные, которые приходят не сразу. Я искала их все время».

Да, слова, способные передать самое существо события в его жизненной наглядности и непосредственности, писательница искала и в те дни, когда упорным трудом еще добивалась победы «над своей старин-

ной душой», и годы спустя, работая над поэмой о героическом Ленинграде, и в послевоенных своих стихах и очерках.

Своеобразие пристрастий писательницы сказывается и в постоянстве, с которым она обращается к своим изблюбленным героям и мотивам. Дети — частые гости в ее книгах, начиная с Тосика и Мурки, друзей «ответственного коммуниста», и продолжая маленькими ленинградцами, выросшими и узнавшими жизнь в необычайных условиях осажденного города. На протяжении десятилетий звучит в творчестве Веры Инбер тема культуры, тема искусства и его места в жизни людей. Этот вопрос волнует ее, и она решает его не усмотрительно, а привлекая собственный опыт, не скрывая своих ошибок, делаясь с читателем сопереживающим и раздумывающим.

Именно эта откровенная «дневничность» творчества и позволяет читателю с общими силами ощутить перемены, происшедшие и в жизненной позиции писательницы, и в образном восприятии ею действительности. «Сквозные», постоянные мотивы ее стихов и прозы получили новое, более глубокое истолкование, зазвучали по-иному после того, как писательница поняла поэзию социал-революционной действительности, отдавая ей все свое вдохновение. Выступая на Первом всесоюзном съезде советских писателей, она говорила об изображении радости во всем богатстве ее оттенков и граней. Однако, рассуждая о том, как надо бороться абстрактности и схематичности, Вера Инбер сама тогда еще не достаточно глубоко постигла истинную природу советского оптимизма, заваленного и выкованного в жестоких боях и испытаниях.

В предвечном «Путевом дневнике» Вера Инбер рассказывает о том, как вошла в книжный магазин продавщица цветы:

Я помню: из укутанных корзин
Пахнуло югом, — то была мимоза.
Все это расхватали в тот же миг,
И не хватило ни цветов, ни книг.

Это очень «инберовские» строки! В тридцатых годах она с охотой и увлечением пишет о книгах и цветах, о детях, о том, что «у нас обичай — всеюми делиться», о чудесных произведениях искусства, переживших века, и об удивительных растениях, возделываемых человеком. Здесь нет той камерности, той застенчивости и ограниченности чувств, которые были свойственны первым сборникам Веры Инбер. Она внимательно, с живой заинтересованностью изучает широкий, прекрасный мир, стараясь найти самые точные краски для его изображения. Но в те годы писательница еще очень редко говорит об остроте и глубине человеческих переживаниях, о сильных, резко очерченных характерах, редко находит суровые и прямые слова, предпочитающая им улыбку, умную шутку.

Пушкин, вспоминая очень часто приводимые — уже и в Пушкинские времена и в наши дни! — слова Волтера о том, что, дескать, все жары хороши за исключением скучного, подчеркивает, что эта «шутка Волтера служит основанием поверхностной критике литературных скендиктов» и что к тому же Волтер вовсе не сказал — одинаково хороши!

Это замечание Пушкина стоит напомнить некоторым современным скендиктам, которые ставят знак равенства между трагедией и страданием, представлением, оперируя каждое из этих произведений исключительно в свете «законов жанра» и пренебрегая тем, какое значение они имеют для жизни общества, какие стороны человеческого ума и сердца охватывают.

Милые стихи «Сеттере Джеке» и «Товарищ виноград», так же как и юмористические рассказы Веры Инбер, — предельно: путевые наблюдения тех лет — остроумны и тонки. Но своеобразие писательницы раскрылось отчетливо и полно лишь тогда, когда на ее пути появились рядом с мягкими, улыбающимися и строгие краски, когда она заговорила страстно, с пафосом, с любовью и ненавистью, во все своей голос. Это произошло в годы Великой Отечественной войны.

В поэме «Пулковский меридиан», в дневнике «Почти три года», в цикле рассказов о ленинградских детях слышится знакомый голос вдумчивого, остроумного и во всем сторонам человеческой жизни, дорого ценящего труд своих товарищей — ученых, токарей, композиторов, танкистов, врачей, домашних хозяек. Читатели узнают редкость и емкость словесного рисунка, им знакомо это ясно оптимистическое желание писателя держаться как можно ближе к фактам и одновременно умение связывать, соотносить их, закреплять в остро схваченных подробностях. Но теперь все эти качества приобре-

мечательные традиции великого русского поэта. Интересны страницы книги, где критик рассматривает, как своеобразно переплетаются в поэзии Кузешова ораторские, публицистические интонации, лучшие из стиха Маяковского, с интонациями белорусского фольклора.

К сожалению, книга А. Кучара не свободна от недостатков. Во-первых, не все статьи в сборнике равноценны. Если очерки об А. Кузешове, Э. Самуленке, М. Танке написаны конкретно, с творческим вдохновением, то последние поверхностны и скучны критике прележивает творческий путь П. Бровки, П. Глобки, К. Крапивы, различные переиспытательно говорит о пьесах Янки Купалы. Иногда автор допускает упрощенное понимание единства формы и содержания. Так, А. Кучар склонен слишком непосредственно обуславливать размер стиха идейным содержанием, как бы изолируя ритм от всей системы выразительных средств произведения, придавая ему обезличенно-самостоятельную художественную функцию. «Новая земля» Я. Коласа написана одним стихотворным размером. Критик объясняет это лишь тем, что «перед поэтом стояла задача позвать не внешнею индикую быстро сменяющихся событий, а постепенное изменение психологии людей, постепенный рост их сознания, созревание в них новых настроений».

На наш взгляд, несудительны некоторые сопоставления, сделанные критиком.

ли новый смысл, получили новое, ранее не свойственное им значение. Теперь писательница рисует широкую, бесполозную напряженную картину, рассказывая о подвиге ленинградцев и тем самым вступая на путь эпического повествования. Теперь она выступает как деятельный и пристрастный участник общенародных трудов, и это придает особую силу созданному ею лирическому характеру.

Воспроизводя бесценные подробности военных лет, Вера Инбер так определяет решаемую ею задачу:

В системе фильтров есть такое сито —
Прозрачная стальная кисейка,
Мельчайшее из всех. Вот так и я.
Стараюсь удержать песинки быта.
Чтобы в текучей памяти людской
Они осели, как песок морской.

Здесь-то и сыграла свою роль тщательно разработанная система мельчайших наблюдений и тончайших связей. Но на этот раз за «песчинками быта» в творчестве писательницы выступили и могучие глыбы бытия — героическая жизнь и работа людей в осажденном городе. Теперь поэт произносила и слова любви к своему соотечественникам и слова ненависти к врагу, слова, которые отражали сильное душевное движение, режкая ответный отклик в сердцах читателей. Теперь в творчестве Веры Инбер есть не только нежность, но и гнев, теперь веселье, шустрые, энергичные мальчишки и девочки, оставшаяся детьми, оказалась и героизмом, а их простые игры надо было записать от врага! Теперь мирный труд батанника или учителя приобрел черты воинского подвига! Новая и притом важная сторона жизни — напряжение борьбы — открылась взору писательницы, и сразу обогатилось, окрепло ее творчество.

Обращаясь к более ранним произведениям — двадцатым и особенно тридцатым годам, мы видим, как созрело это понимание жизненной сложности и противоречий. Прекрасное стихотворение «Пять ночей и дней», передавшее любовь народа к основателю социалистического государства В. И. Ленину, тягостно утраты и сплоченности миллионов. «Смерть Луны» — рассказ о том, как жар и страсть революционной борьбы впервые проникли в молодые сердца, вдохнули в них радио в жизни. Повесть «Место под солнцем» и отличные рассказы «О моем отце» и «В мой детстве», в которых обычная для Инбер живость изложения сочетается с беспощадным анализом слабостей и заблуждений героини...

Возможности, здесь проявившиеся, получили естественное и плодотворное развитие в годы войны. И в свою очередь опыт ленинградского периода вооружил Веру Инбер для новых поисков и открытий. Лучшие стихи из цикла «Путь воды», очерки «Три недели в Иране» и «На линии воды» — сильные и действенными отношением писательницы к жизненным фактам. Накал образной речи создается именно этим страстным познанием мира и тайм же вдохновением, горячим раскрытием своих убеждений.

При этом Инбер остается верна себе. «Буря жестов» и «взвихренные волосы» попрежнему ей чужды. Обращаясь к ранее ей неизвестным событиям и людям, она также старается воплотить открывшиеся ее взору человеческие связи и отношения в точно построенном и выверенном слетенном образе. Так возникает стихотворение, в котором поэт, проследив движение водного потока, рисует картину эксплуататорского общества с его бесчеловечностью и антигигиеническими противоречиями.

Целостное поэтическое решение темы найдено и в ряде других стихотворений. Но этого внутреннего движения нет в стихотворении о Большом Ферганском канале, и потому оно кажется описательным. Здесь поэт как бы ограничил свою роль, — он лишь изложил по порядку все, что произошло на канальном празднике. И тотчас же этот «отказ» от своих творческих прав и обязанности обнаружилась вольность, слабость стихотворного строя. Отдельные черточки существуют порознь, отдельные штрихи не сливаются в картину.

И мы снова убеждаемся в том, что самые свежие и выразительные детали, самые остротные переходы и ассоциации приобретают настоящую цену, когда они озарены светом ясного художественного замысла.

«В том-то все и дело, чтобы преодолеть свои пределы», — написала Вера Инбер в заключительной главе своего «Путевого дневника». Чтобы добиться намеченного, ей потребовалось немало энергии и решительности, трудолюбия и строгости к себе. Эти качества помогут писательнице и в будущем. Недаром же, обращаясь к своему вдохновению, к верному Пегасу, закончив работу над книгой «Почти три года» и переходя к новым замыслам, Вера Инбер писала:

Мы неразлучны, мой Пегас.
И нам покой нет.

«Наметив» целый ряд отличий творческой манеры Янки Коласа от Янки Купалы, критик недостаточно обосновал их. То, что у Я. Купалы «элементы пароса занимают большее место, чем в творчестве Я. Коласа», «хотя», — оговаривается критик, — в отдельных произведениях последнего они также выступают выразительно». — это все-таки внешнее наблюдение. Остается немалое — объяснить его. Нередко, противореча своему же методу конкретному и детальному рассмотрению художественного мастерства, А. Кучар замечает анализ стиха того или иного писателя стереотипными субъективными оценками, без меры щедро иллюстрируя их текстом художественного произведения. О ценности наблюдений критик как бы предоставляет судить читателю. Вот страница 357-я, в этом смысле типичная: «Ярко передает П. Бровка болезнь и смерть матери Катерины; (цитата). Вот рисунок суровой зимы: (цитата). А вот так описывается поэтом весна: (цитата). Еще выразительней осень: (цитата)». А. Кучар — опытный писатель и критик. Его статьи-монографии, нудно-кованные в периодические печати, содержали много ценных наблюдений и доказательных выводов. Угча критическое замечание, он значительно их улучшил и дополнил. «Литературно-критические статьи» — нужная и полезная книга. Хотелось бы видеть ее и в русском переводе.

А. ВЛАСЕНКО

Маяковский издевается

В РАЗГОВОРЕ о «Клопе» неизбежно встает вопрос о мере его современности, о том, что же в пьесе сохранило только исторически познавательный интерес и что не утратило свежего, нынешнего звучания. Маяковский, в сущности, сам сказал об этом: «В пьесе — факты об общественной морали и века, и сегодняшнего дня». Стала анахронизмом многие факты тогдашнего «сегодняшнего дня», но проницательное, умное замечание сущности человека и сегодня злободневно, попадает в цель, работает на нас.

Мещанин, обыватель. А столь ли важна эта тема сейчас для нас? Так ли опасен этот враг? — могут спросить некоторые. И такой вопрос будет не случаен.

Дело в том, что за последние годы в некоторых произведениях литературы очень сужен круг явлений, охватываемый этим понятием. Понятие «мещанин» иногда ассоциируется чуть ли не с канаречной клеткой, пуховой периной, допотопным сулдуком и столь же допотопным жирным бытом. А думается, что многие из тех отрицательных явлений, с которыми мы воюем — бюрократизм, и карьеризм, и шкурничество, — станут более ясны, если увидеть за ними благообразную, самоуверенную ролю современного обывателя.

И Маяковский в «Клопе» дает безошибочный инструмент его выявления. Можно взять на выбор почти любую реплику, любое действие Присыпкина, и в нем, как правило, отразится очень характерная черточка мещанства обывателя и сегодняшнего — в частности. Вот категорическое требование Присыпкина: «Товарищ Баян, и за свои деньги требую, чтобы была красная свадьба и никаких богов!».

«Красная свадьба» — в сочетании этих как будто бы взаимоисключающих понятий вся суть, весь механизм фальстерского поведения, прикрывающего старую пошлость обывателя «революционными», высокочеловечными декларациями. «Красная свадьба» — эти слова можно поставить эпиграфом к тем произведениям сегодняшнего дня, где пошлость, серость прикрываются трескучими декларациями.

Наше общество непримиримо ко всякому проявлению собственного фальстерства. Поэтому мещанин упорно бежит от своих типических примет, он стремится переменить обличье, надеть чужую шкуру. Уже Присыпкин провозглашает: «Я против этого мещанского быта — канарек и прочего... И человек с крупными запросами... Я — зеркальный шкафом интересуюсь...». Современный обыватель брезгливо перенергируется при слове «канарейка». Он интересуется подлинными знаниями, и они лежат у него мертвым грузом, навечно запертые в клетках шкафа.

Жизнь Присыпкина! В своем эстетическом кодексе, в единственном требовании к искусству, чтоб «щипало и заморало», и в возгласе «грубая агитка», которым встречает всякая высококультурная, умная вещь, скрепящая обывателя против шутки, и в понимании красоты как богатства, сказывающегося в избыточной позолоте книг, купеческой роскоши некоторых зданий. И, наконец, что самое опасное, — в равнодушии и эгоизме. Обыватель ищет на все, что не задевает его лично, с другой стороны, стремится приспособить к своим целям любое хорошее дело, извращая и уродуя его.

В «Клопе» Маяковский как бы пишет последовательное исследование, и передельства страсти, рассказывающее о «паразитах» времен нап, мы живо, ясно видим лицо сегодняшнего обывателя — приспособленца, ханжы и шкурника.

Но значение пьесы не только в этом. Примечательна сама позиция, которую занимает в этой пьесе Маяковский. Он хорошо видит распространение мещанской заразы, опасность паразитических инстинктов, — недаром же Присыпкин работает, — и говорит об этом, ничего не обличая и никого не успокаивая. Но он не боится мещанина, он смотрит на него сверху вниз, уверен в победе. И только такое отношение могло родить полноценный обличающий пролетариат сатирический образ клопа. Великолепный оптимизм, пронизывающий сатиру Маяковского, уже презрительно, чувство превосходства — вот чему нужно учиться нашим сатирикам.

Маяковский остается самим собой, — сатириком, горлаком, главарем, человеком мажорного жизнеощущения в этой «насколь критикующей» вещи. Это настроение прекрасно сочетается с ее стилем феерического зрелища, с той особой интенсивностью красок, ритмической напряженностью, которые составляют своеобразие драматического письма поэта. И этот бойкий, веселый тон прекрасно передан в спектакле Театра сатиры.

Постановку «Клопа» в Театре сатиры трудно оценить одним словом, ей не вполне просто общий балл. Это спектакль сложный, первый, с значительными достоинствами, но и — скажем заранее — с серьезными просчетами, спектакль, в котором театр одержал победу, доказав, что ставить «Клопа» нужно и можно, но и дал почувствовать, как много осталось за пределами его сегодняшней постановки.

Есть одно неоспоримое достоинство в этом спектакле — подлинная увлеченность зрителей, настоящее творческое горение. Оно и в той высокой душевной настроенности, которая несет ее сцены, и в той атмосфере увлеченности в поэте, которая, кажется, равно охватывает и зрителей и актеров, и в неистощимом блеске режиссерской фантазии, в бездне выдумки, проявляющейся в спектакле. Режиссеры В. Пудучек и С. Югевич щедро раскрыли зрелищные возможности театра Маяковского.

Весь зал, как ирривая площадка, лопая клопа где-то на стене балкона, немалым, шуточный, реальный посредством музикализации поляр в парикмахерской, вода на наших глазах мгновенно обогрывает усы, борды и парики у мещанов на витрине, а затем и сами они охлыбают, текут в жарком пламени и, конечно, блестящий выход пожарных — веселый, широк-

Ю. ХАНЮТИН

вой марш на просцениуме, кушлеты, декламируемые так, что начинаешь понимать, что хотел сказать Маяковский своим определением «сатиры со злом».

И при всей этой увлеченности зрелищной стороной каждый самый маленький персонаж разрабатывается тщательно, обрабатываясь массой характерных черт и деталей.

Совсем бесловесная роль гостя у Г. Тузулова. Но в сцене свадьбы, буквально насыщенной, а порой и перенасыщенной режиссерскими трюками, комедийными прощелествиями, едва ли не самой заметной оказывается его хилая, старческая фигурка, в сером кургузом пиджаке, с испуганно ветолорещенными усиками. Умудренный долгим опытом, проползший через два войны обыватель, он, как все такие пресмыкающиеся, твердо усвоил: чтобы уцелеть, нужно демонстрировать преданность и уметь во-время сбегать. И он встает навстречу при слове «партизан», как раньше, очевидно, встал при упоминании имени урядника, и тихо, на цыпочках, уходит в сторону при первых признаках надвигающегося скандала.

Таких точных автотерских миниатюр, удачных деталей можно назвать много. Это и тяжелое мутное хулиганство шафера — А. Паламова, и особое парикмахерское педантизм урядника — Ю. Соколина, и брезгливое комическое высокомерие продавщицы галатерия — Е. Корсаковой, и великолепный жест, с которым Розалия Павловна — Е. Мясюткина — закатывает рукава своей шубки, готовясь к торговому турупури из-за селедки.

Правда, порой режиссеры теряют чувство меры, повторяя по несколько раз одну и ту же сцену, иногда им изменяет вкус. Но все же в основном, в главном стиль Маяковского схвачен верно, передан живо, талантливо, ярко театралью.

Как будто немного условная, эпизодическая история обманутой Присыпкиной и покушающейся на самоубийство Зои Березинкиной приобрела в спектакле подлинный драматизм. В Зое — И. Архиповой все время ощущаешь трепет реальной жизни, неподдельную человеческую нежность и страдание. Врезается в память ее последний проход в первой картине, когда, исследуемая презрительными словами Присыпкина, она бредет по заснеженным улицам, а навстречу парикам выплывают уличные торговки, и какавый, как окорбление, как ругательство, полную гранных намеков намекует, предлагает, напештывает, кричит ей в уши рекламу своего товара. Она отшатывается от одного, но уже приближается, глумясь и хихикая, другая рожа, третья, четвертая... и возникает трагический образ человека, задыхающегося в торгашеском угаре нап.

Драматургическая поэтика Маяковского — поэтика сильных движений души, крупных страстей, значительных поступков. Его мысль раскрывается полно и выразительно в напряженной шибке характеров, в острейших коллизиях. Маяковский не терпит приращенности, заземленности, душевной немочи, камерных страстей. И режиссура пошлая эту особенность письма поэта. Постановщики не боялись драматизма ситуации, они заставляют жить героев на пределе душевных сил. Так построена сцена с Зоей Березинкой, так развивается картина «молодничного обещания».

Интуитивизм комсомольца и ядовитый немалый душок, суровый, голодный быт рабочих коммун и ласку буржуазной роскоши, твердое презрение, насмешка над «буржуазным счастьем» и жадная тоска по «красной жизни» скрепляются, сплетаются в этой простой, бедно обставленной комнате, — и сразу ощущаешь кипучую атмосферу 20-х годов, как бы выдвигая образное воплощение той отчаянной борьбы, в которой сложилась идеология.

И сюда, в эту насыленную атмосферу эпохи, под оболочку томящую музыку входит своей выходящей походкой Олег Баян (Г. Менделет), и здесь начинается предельное натаскивание Присыпкина в молдом, изъямном танце.

Это ответнейший момент для Баяна — урок Присыпкину он превращает в демострацию для всех. Баян, этот «улавливатель душ», чувствует, что пришел его час. Он сейчас проповедник на паперти, агитатор на трибуне. Модные па флориста — приманка, за которой должна лопить молодежь. И с каким остревением извещения, яростной грациозности, даже подпрыгивая в воздухе, он демонстрирует головоломное па, как вдохновенно отсчитывает ритм, а глаза бегают, осторожно ощупывают, прыгаются, кто поддается, дрогнул, чья очередь, следующая за Присыпкином.

Г. Менделет раскрывает образ Баяна в предельном накале темперамента, в азарте крупной охоты, в испуганности борьбы. И эта интенсивность красок, напряженность страсти чрезвычайно точно отвечают стилю Маяковского, делают образ Баяна, пожалуй, наиболее сильным, ярко сатирическим образом спектакля. Но такой Баян отнесен в первых картинах на задний план Присыпкина. И это не случайно.

К сожалению, приходится сказать о том, что в этом спектакле, отмеченном настоящей режиссерской смелостью и рядом прекрасных актерских работ, есть один несомненный и значительный недостаток — узкое прочтение центральной роли Присыпкина. В Лепко играет Присыпкина смелое, зарисованное весело. Но в трактовке, предельной театром, Присыпкин утратил ряд важнейших свойств. Артист показывает главного героя деревенского парня, хлещущего городской мещанской культуры и потерявшего голову. Тузуватое, добуруш-

ное лицо, лынякой чуб, деревенский гакаем горюк — таким входит Лепко — Присыпкин в спектакль. В Лепко играет далекое прошлое Присыпкина. Но ведь парек-то уже пообтевался в городе. Он не так уж наивен. Он знает цену своему рабочему занятию и отлично понимает, какие выгоды дает профессиональный билет. Он уже давно выучил слово «гегемон» и овладел азбукой демагогии.

Театр, режиссура упустили характерную черту, многое проясняющую в образе Присыпкина, — Гость — Г. Тузузов

Гость — Г. Тузузов

Гость — Г. Тузузов

Присыпкин не только практик, но и рупор мещанских идей. Его декларациям звучат, как манифест. Придуловатый, наивный Присыпкин — В. Лепко остается неким в пределах бытового мещанства, очень мало раскрывая его философию.

Надо сказать, что вообще в этом спектакле театр не всегда видит философское, политическое содержание бытовых, моральных вопросов, не берет проблему мещанства во всей ее широте и социальной значимости. Поэтому форма, чисто театральные находки начинают порой докучать над мыслью. Поэтому, очевидно, и не прозвучал в спектакле монолог Баяна на свадьбе.

А ведь в этих смелых жестках грехов Баяна косвенно раскрывается политический смысл поступка Присыпкина. В спектакле слова Баяна оказались погребенными под комедийными трюками, и политическая квалификация Присыпкина и присыпкиницы осталась поэтому смутной.

Быть может, самым трудным в «Клопе» является проблема воплощения сна будущего. Маяковский не хотел «версез», во всех деталях изображать то, что будет «пятьдесят лет тому вперед». Поняв смысл этого прыжка в будущее: показать, что через 50 лет Присыпкина и ему подобных будут показывать в клетке и, с другой стороны, раскрыть социальную заразность присыпкиницы. И все же, нам кажется, было бы неверным утверждать, что у Маяковского в картинах будущего все ясно, и дело только за театром. Нет, конечно, многое здесь только намечено. Но найти верный ключ к этим сценам можно. И нужно сказать, что в спектакле он почти подобран, схвачена верная атмосфера легкой шутки, иронии и в том, что «древний государственный марш», под который шествуют к трибуне отцы города, оказывается всем знакомой футбольной мелодией, и в комическом огулении охоты за клопом директора зоопарка В. Рунге, и в фигуре лунатички В. Токаревой, заставившей перед портретами популярных киноартистов.

Но до конца удержаться на этой легкой, шутливой ноте театру не удалось. И появились уже традиционные для многих постановок сужат унверситета, сгусток разбивающий шутливую настроенность. Появились эти холодные целлофановые костюмы; и уж совсем неудачная в качестве противоблаговещания присыпкинской мечте о флористе демонстрация «таща десяти тысяч» — кинолента флактуатурных выступлений, очень красивых, но отнюдь не заменяющих камерный танец.

Таким образом, как видно, есть с чем спорить в спектакле Театра сатиры. Но это спектакль-поиск, спектакль-разведчик. Спектакль, от которого будут отталкиваться, соглашались или не соглашались с ним, все будущие постановщики «Клопа». И нужно отдать должное театру сатиры, который так последовательно, смело, вопреки всем сомнениям и опасениям, шел к утверждению Маяковского на сцене, поставив и «Баян» и «Клопа».

В финале спектакля снова медленно проплывает перед глазами зрителя на ленте конвейера участники «красной свадьбы», уходит, улыбаясь многообразное, многоликое чудовище обывательщины. И хочется как бы продолжить этот последний парад мещанства, поставить в этот странный, злобедный паноптикум другие фигуры, которые еще, увы, не покрылись пылью прошлого. И кажется, выдвигая, как подстреливая в кильватер к Присыпкину, проплывает, быть может, менее колоритная, незаметная и потому куда более опасная фигура с пухлой папкой и солидным пенсне — лжеученого из тех, что стригут «Толстого под Маркса».

Исправляют историю на любой фасон и вкус, готовы изобретать уже изобретенное, подписывать свои фамилии под чужим трудом и переключать чужой труд, если под ним не стоит их фамилия. А следом выхлещенная и тулая рожица «папной доки», мещущая о тушевской, легкой жизни за спиной будущего «ответственного» мужа. А дальше юшота, не «стиляга» в брочках лудочкой, нет, — скромный, чисто выбритый, аккуратный, иногда с комсомольским значком, но смолду понавивший, что «курупу есть одному веселе», поставивший и комсомольский значок и умальность речн шитом своеобразных целей...

Уродливы и отвратительны эти рапорторженные и не вымершие паразиты, и приходится сожалеть, что они еще ожидают своего моральщика — художника, который найдет бесподобное увеличительное стекло сатиры и выставит их для всеобщего обозрения.

Присыпкин — В. Лепко
Рисунки В. Горсака

Присыпкин — В. Лепко

Этюды о социалистическом реализме

Весенние дни 1955 года войдут в историю, как славный и памятный рубеж в многолетней и напряженной борьбе советского народа, Советского Союза за мир.

Москва, Варшава, Вена. Почти одновременно обнародованы документы величайшего значения. Это — предложения Советского правительства по вопросам сокращения вооружений, запрещения атомного оружия и устранения угрозы новой войны.

Вопрос о социалистическом реализме не является для прогрессивной литературы Англии отвлеченной проблемой. Для нее он тот же, в котором следились насущные задачи современности: борьба за мир и национальную независимость.

Вопрос о социалистическом реализме не является для прогрессивной литературы Англии отвлеченной проблемой. Для нее он тот же, в котором следились насущные задачи современности: борьба за мир и национальную независимость.

Большой интерес представляет тонко написанная, аргументированная статья Арнольда Кеттла «Прогрессивная традиция в буржуазной культуре» — свидетельство того, что прогрессивная английская критика окончательно освободилась от влияния вульгарного социализма.

Нового типа — борца за демократию и социальный прогресс, Джек Линдсей отмечает необходимость изучения опыта создания подобных характеров в реалистической литературе XIX в.

Большой день в истории Австрии

Всего лишь три месяца тому назад, когда с трибуны Верховного Совета СССР прозвучали новые предложения Советского правительства по австрийскому вопросу, реакционная печать на Западе писала, что эти предложения представляют собой будто бы «новый маневр».

После военного разгрома гитлеровской Германии агрессивные силы США вернулись к своим старым планам. На страницах западной печати опять заговорили об Австрии как о «бастионе» против Восточной Европы.

После первой мировой войны Австрия подписала Сен-Жерменский договор. История сохранила подробности, связанные с этим актом, который австрийский народ вынужден был принять в условиях неравноправия.

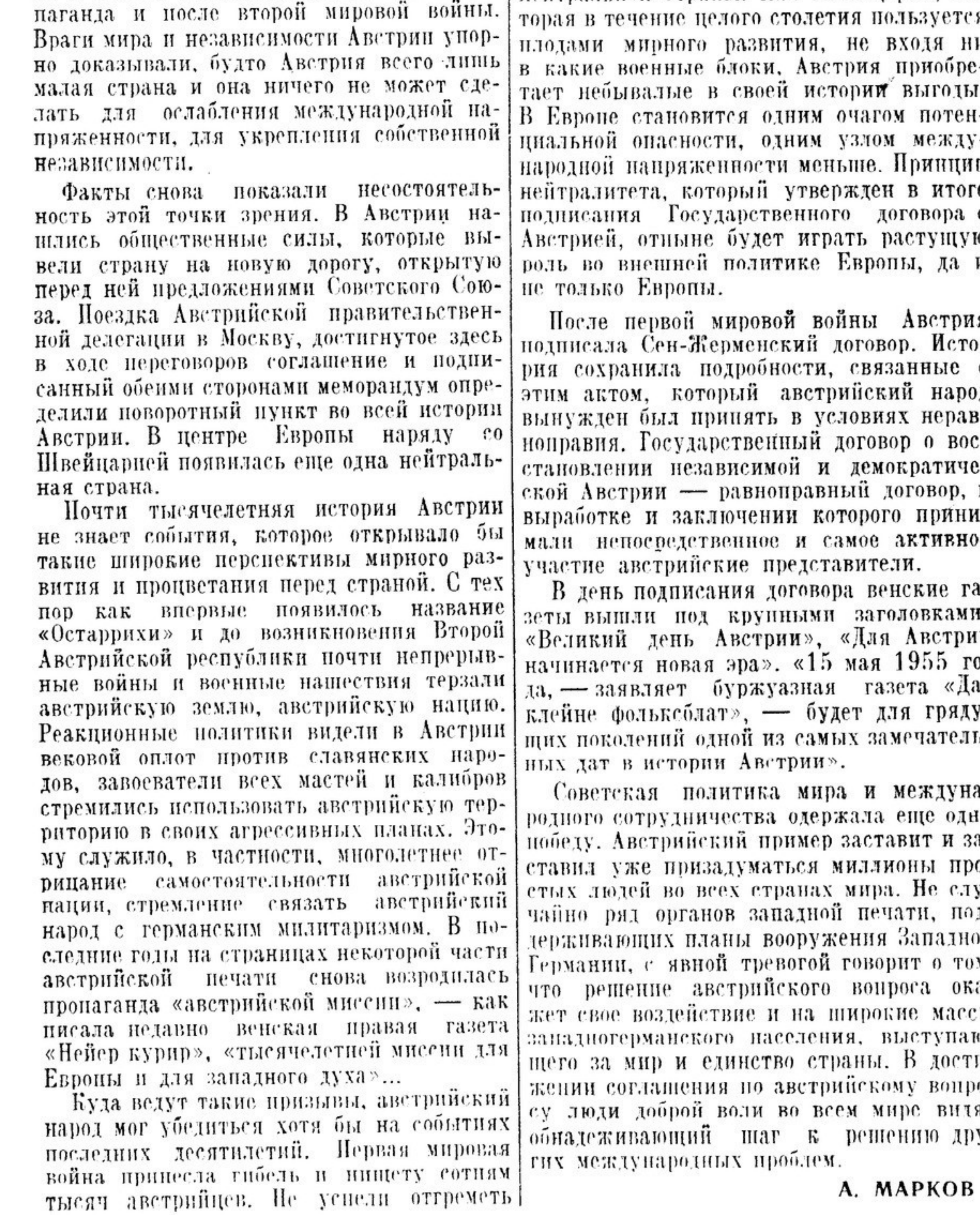
Сила народа

Новозеландский писатель Рью Элли выступил в Пекине на английском языке с книгой «Сила народа».

Возрастая к рецензируемому сборнику, отметим, что две статьи из него — статьи Линдсея и Кеттла — переведены и в сокращенном виде включены в недавно вышедший сборник «Общественные деятели Англии в борьбе за передовую идеологию».

На улицах Рима...

Перед вами потрясающий человеческий фотодокумент, живое обвинение политике вооружений, усиливающей нищету и голод.

Голоса в бурю

«Голоса в бурю» переносит нас в Германию первых лет фашистского диктатора.

Новые люди

Не многие романы, вышедшие в Англии в минувшем году, привлекали к себе такое внимание общественности, как роман буржуазного английского писателя С. П. Сноу «Новые люди».

Огненные ветры

В расказе «Огненные ветры», давшем название всему сборнику, Аль-Хамиси призывает к солидарности всех арабских народов, борющихся за свою независимость.

Сады Тамплу

Новый роман прогрессивного бельгийского писателя Андре Клода «Сады Тамплу» воссоздает трагическую картину мая 1940 года, когда орды фашистского вермахта вступили на территорию Бельгии.

Рассказы о свободе

Питер Абрахамс, автор переведенного на русский язык романа «Тропой грома», написал новую автобиографическую повесть о своих детских и юношеских годах.

Наступающий час

Тридцатой годовщине Коммунизта и с е к о й партии Бразилии посвящая свой роман «Наступающий час» молодая бразильская писательница Алина Паим (Сан-Пауло, 1955).

И. Г. Машуков

12 мая после тяжелой и продолжительной болезни умер выдающийся писатель Иван Георгиевич Машуков.

Вся жизнь писателя — была хорошо встречен читателем. В ближайшие месяцы роман выйдет в издательстве «Советский писатель».

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на новый ежемесячный литературно-художественный общественно-политический журнал «ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА».